
О. Н. ЯНИЦКИЙ

ЭКОМОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, КОНЦЕПЦИИ, РЕШЕНИЯ*

1. Проблематизация

Социально-экологическая модернизация (далее СЭМ) понимается мною как модель развития российского общества и государства в глобальном контексте, обеспечивающая одновременное достижение нескольких целей: устойчивое поступательное развитие общества, наращивание его экономической мощи и социальной привлекательности, обеспечение его экономической и иной безопасности при минимальных рисках и необратимых потерях для локальных экосистем и биосферы в целом.

В современном мире уже нет отдельно «человека» и «природы»: человек экологизирован, природа социализирована. Отсюда следует, что меры по сохранению и улучшению состояния среды обитания есть необходимый компонент «пакета» мер развития. Сегодня «экологический фактор» – растущий по значению ограничитель любых усилий по модернизации производства и его инфраструктуры, так как всякое превышение несущей способности локальных экосистем и биосферы в целом возвращается бумерангом обществу в форме сокращения рождаемости, роста заболеваемости и смертности, роста миграционных расходов и т. д. Можно сказать, что поддержание социобиотехносистем (далее экосистем) есть необходимое условие поддержания социального порядка в целом. Но даже если рассматривать природу только как «ресурс-для-человека», то ресурсы дикой природы, эстетической ценности ландшафта, экологической качественной среды в ближайшей и особенно отдаленной перспективе оказываются часто более выгодными экономически, чем традиционные сельское хозяйство или индустрия. Экологический туризм, рекреационная охота и рыбо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 07-03-00111а.

ловство, просто отдых в окружении уникального ландшафта, неистощаемое сельскохозяйственное производство оказываются экономически востребованными «очагами» СЭМ.

С точки зрения науки и этики СЭМ – чрезвычайно сложная задача, потому что впервые ученым и политикам придется сопоставлять эффекты целевых краткосрочных вложений и результаты средовых «бумерангов», не имеющих ни четкого адресата (носителя), ни определенной территории, ни однозначного срока давности. Придется сопоставлять и вычислять вложения в одну сферу (например, в повышение благосостояния) и их экологические риски (например, от вырубки лесов и застройки берегов рек). Наконец, надо готовиться к грядущему пересмотру базовых международных принципов, определяющих принадлежность ресурсов тем или иным странам. Если Земля – действительно «общий дом», а иной альтернативы нет, то неизбежно придется делиться дефицитными ресурсами. Это чрезвычайно болезненная гуманитарная проблема, к которой только начинают искать подходы.

2. О методологии

Я говорю именно о модели СЭМ, а не о проекте, потому что она должна быть не перечнем выводов и рекомендаций, а именно чувствительной моделью, способной к корректировке под влиянием изменений внешней и внутренней среды РФ, как это сегодня делается, например, в Европейском Союзе (см.: Giddens 2006; Stiglitz 2006). В этом же смысле скорее надо говорить не о «планах» и «программах», а о сценариях развития СЭМ, зависимых от изменения этих сред, природных и социальных, в том числе институциональных. «Средовой подход» к новому витку модернизации – методологически ключевой принцип.

Собственно экологическая модернизация (ЭМ) состоит в максимизации использования возобновимых ресурсов (энергии ветра, приливов солнечной и геотермальной энергии), минимизации использования природных ресурсов (особенно невозобновимых) при максимально эффективной их добыче, производстве, использовании и утилизации отходов этого производства. Это, в свою очередь, подразумевает развитие ресурсосберегающих технологий, неистощаемое землепользование, рекультивацию нарушенных земель и

различные способы поддержания (восстановления) существующих экосистем путем создания системы охраняемых природных территорий, экосетей (так называемая система эконет), охрану и воспроизводство лесных, морских и других природных ресурсов. Экологическая модернизация налагает ограничения на социальные процессы, тем самым стимулируя их модернизацию или, напротив, требуя сохранения традиционных способов природопользования и связанных с ними типов человеческих сообществ, расширяет социальное содержание данного понятия.

В рыночно ориентированной экономике природа рассматривается прежде всего как потенциальный или капитализированный ресурс. Однако с точки зрения СЭМ у природы существуют по крайней мере еще три важнейшие функции: поддержание экономической и социальной устойчивости глобального миропорядка; сохранение здоровья человека и его воспроизводственных функций; духовно-нравственное воздействие. Поэтому СЭМ – не экономическая категория, в которой все функции природы расцениваются как тот или иной вид «услуг», предоставляемых человеку (Бобылев 2006: 76). Иными словами, связь экономических, социальных и биологических факторов в модернизационном процессе не однозначна и не прямолинейна. Это означает, что искусственное выделение и обособленное проектирование «социологической составляющей» (параметров) этого интегративного процесса ошибочно, что не исключает обозначения желаемых социальных индикаторов (качества жизни и др.) для данного региона. Это еще один методологически отправной пункт.

Но СЭМ также не сводится к социальной, экономической и другой интерпретации экологического знания. В основе СЭМ – люди, носители иного взгляда на мир. Главную социальную черту этого *социально-антропологического типа* я вижу в ее оппонировании целям и принципам потребительского общества. Оппонировании идеологическом, так как эти люди ратуют за прекращение веками нарушавшегося баланса человеческих и природных ресурсов, за развитие критически мыслящего человека. Это они сказали первыми, что «человечество продолжает вести себя как биологический вид». Они – оппоненты либерализма в том смысле, что выступают за ограничение потребления (прежде всего – энергии), за со-

хранение биологического и социального разнообразия планеты, против бесконтрольной экспансии в Природу, включая биологическую и генетическую сущность человека.

Нормативной модели СЭМ как национального, междисциплинарного и межсекторального сценария, разработанного на основе соглашения многих политических и социальных сил и включенного в национальную повестку дня, в России пока не существует. Поэтому далее я постараюсь выявить некоторые наиболее существенные тренды и намерения и оценить экологические риски от уже запущенных и финансируемых частных и государственных проектов (планов). Иными словами, попробую рассмотреть СЭМ в контексте path dependence.

3. Цели и вызовы

Сегодня экология и демография – две стороны одной медали. Критической опасностью для России стало продолжающееся сокращение численности ее населения. Поэтому двумя главными задачами являются «сохранение народа и территории – двух главных богатств страны». Причем не просто сохранение, а «увеличение численности населения и поддержание доли русских». Несоответствие человеческих ресурсов и закрепленного за ними пространства становится угрозой номер один. Поэтому при составлении прогнозов нельзя исходить только из экономического роста, но прежде всего – из степени всеобщего риска или, как говорят ведущие российские экономисты, из «степени тяжести» угроз. Соглашаясь с этими приоритетами, все же сделаю акцент на воспроизводстве и закреплении в стране здорового и социально активного молодого поколения. В решении этой задачи ключевую роль играет сочетание воспитания и самостоятельности молодежи, возможностей для ее позитивной самореализации.

Далее – рынок и смена типа освоения природы. На протяжении XX в. в России произошла радикальная трансформация системы «власть-собственность»: существовавшая в стране многовековая связь «человек-земля» (отсюда и социальный архетип «служилого человека» и социальный институт «служилого землевладения») была вытеснена, заменена на связь «государство-природные ресурсы», в результате чего человек (работник и его семья), привязан-

ный к месту, был заменен работником-«кочевником», потерявшим связь с семьей, землей и местной культурой. Уже сформировался архетип «кочевника-мигранта», надеющегося только на собственные силы. Это вполне соответствует идеям О. Шпенглера («кочевник-паразит, житель больших городов») и современных теоретиков постмодернизма об «индивидуальном жизненном проекте» (У. Бек, Э. Гидденс и другие).

Значит, на смену отношению «местное сообщество – вмещающий ландшафт» идет отношение «транснациональная корпорация – биосфера». Теоретикам экомодернизации предстоит решить нетривиальную задачу согласования интересов мощных и мобильных транснациональных игроков и территориально фиксированных сообществ. В стране уже идет интенсивный процесс реструктуризации социально освоенного пространства. Одни территории пустеют, забрасываются, превращаются в свалки, другие – весьма интенсивно осваиваются ТНК с применением новейших технологий. Как говорит Н. Покровский, «очаговая» экономика и соответствующая ей социальная структура исходят не из тотального покрытия территорий и поддержания поселений любой ценой, а из возникающих центров (очагов) экономически выгодной деятельности, которая «точно» (фокально) воссоздает социальную структуру, обновляет, казалось бы, безвозвратно деградирующее население и порождает новые поселения (Покровский 2006).

Поэтому наряду с понятием *вмещающего ландшафта* необходимо теоретическое осмысление быстро формирующегося *сетевого*, экономически и технологически эффективного, *искусственного ландшафта*, который способен «вместить» столько финансовых, людских и иных ресурсов, сколько требуется для производства и транспортировки ресурса данного «места». Этот инициированный процессами глобализации ландшафт практически независим от локальных условий. Типичный пример – Гонконг (Boyden *et al.* 1981). Это целиком сконструированный искусственный ландшафт, функционирующий прежде всего в интересах государства и крупных корпораций. Для модернизации страны сетевой ландшафт абсолютно необходим, но создает *новые риски* для культуры, для хозяйствования местных человеческих сообществ и сохранения российской идентичности. Но громадная многонациональная Россия тре-

бует региональной оптимизации. Для СЭМ региона нужны «мелкие» меж- и внутрирегиональные сети, не нарушающие сложившихся ландшафтов и экосоциальных систем (Соболев 2003).

Но глобализирующиеся производство и рынок ставят перед экосоциологией ряд других, совершенно новых задач. Впервые экономисты с цифрами в руках показали, что экономика, ее рост, структура и связанные с ней социальные процессы (качество жизни, расселение и массовые миграции, социальное неравенство) зависят от состояния биосферы (Stern 2007). Значит, экосоциология должна опираться на знание глобальной экономической и социальной динамики, а это совершенно иные масштаб и методы исследования.

Далее, чтобы защищать своих производителей (а торговый протекционизм растет во всем мире), государство должно быть сильным, концентрировать ресурсы в своих руках, о чем писали Б. Струве и другие русские политологи еще 100 лет назад (Струве 1911: 74–76).

Это означает, что основные рычаги и ресурсы СЭМ страны будут в руках государства и его институтов, и таким образом СЭМ, скорее всего, будет осуществляться в режиме авторитарного (вертикального) управления и контроля. Как это согласуется, хотя бы теоретически, с демократией? С необходимостью сохранения местных сообществ и национальных культур? С поддержанием биоразнообразия, на котором зиждется устойчивость биосферы? Во всем мире успехи СЭМ шли прежде всего снизу, от малых венчурных структур, гражданских инициатив и социальных движений. Это означает, что приоритеты и методы реализации СЭМ должны разрабатываться академическим сообществом совместно с аналитиками и практиками из НКО и публично обсуждаться. Публичность экологической политики и респонсивность государственных институтов к требованиям «снизу» – неперемнное условие СЭМ.

В чем состоит вызов иного социально-антропологического типа? Речь идет прежде всего о формировании многоролевого (и даже универсального) типа личности, одновременно ориентированного на исследование, практику и публичную политику. Это глокальный тип индивида, действующий одновременно в локальных, групповых и глобальных сетевых пространствах. Это должен быть также определенный морально-этический тип личности, реали-

зующий свою гражданскую ответственность в различных формах в образовательных, обучающих и мобилизационных социальных технологиях. Для таких людей характерна трансформация из защитника конкретного участка природы в обустроителя «малой родины» посредством мобилизации ресурсов в сетях дружественных организаций. Энергия протеста трансформируется в энергию созидания, что, в свою очередь, означает структурную трансформацию «борца» в инициатора и организатора местных экологических сценариев, программ и проектов. Этот антропологический тип генетически «западный», то есть в известной мере сайентистский и критический, а также частично утопический, точнее – «впередсмотрящий», что подтвердилось докладом Стерна и др.; понимающий, что происходит «в самом низу», в реальном конфликте локальных, национальных и глобальных сил, и умеющий переводить эти ситуации на язык политических решений.

Как я показал ранее, уже сейчас сформировался тип *ученого-адвоката*, стремящегося соединить свою исследовательскую работу в НИИ или вузе с просвещением и обучением людей на местах. Феномен «хождения в народ» образца начала XXI в. (Яницкий 2004). Но этому взаимодействию науки и практики противостоит «точечная» модернизация, по своим последствиям весьма напоминающая 1920–1930 гг. Вот некоторые ее результаты в российской глубинке на примере Костромской области: продукция «точечных» производств, построенных в основном на средства западных инвесторов, идет на 70 % на экспорт; наиболее талантливая молодежь продолжает уходить в большие города; местное население сокращается, пришлое (из восточной части РФ или Средней Азии, без семей, без российского гражданства) – растет; в области появляется все больше гастарбайтеров и вахтовиков; социальное расслоение продолжается; чиновничество растет; появилась прослойка «кочующих менеджеров», которым безразлично состояние местного сообщества и окружающей его природы; в перспективе занятое население сократится в 5–10 раз; у «усталого местного населения» среднего и старшего возрастов нет перспективы, мотивации к труду, оно неспособно к самоорганизации. «Точки роста» – это шикарные офисы и дорогие гостиницы (явно не для местных), частные особняки. Общий вывод: сжатие социально освоенного про-

странства, необходимость притока «свежих сил» для его повторного освоения (Покровский 2006: 62–71). Но откуда им взяться? И каков он будет, этот пришлый социально-антропологический тип?

4. «Колея» ресурсной модернизации и дуга нестабильности

Пример Костромской области показывает, что экономическое, политическое и социальное развитие современной России в высокой степени *инерционно*. В основе этой инерционности лежит существующая в России система «власть-собственность» (Пивоваров, Фурсов 1998: 7), которая создала систему воспроизводящих ее социальных институтов, не имеющих внутренних импульсов, и прежде всего – системной оппозиции, способных побудить ее к трансформации. К тому же она надежно обеспечена финансово и экономически. Поэтому на ближайшие 15–20 лет *внутри России* я не вижу сил, способных изменить существующее преобладание экономических целей модернизации над социальными и природоохранными. Я называю это «вековой колеей ресурсной модернизации». На обозримую перспективу импульсы к развитию СЭМ будут исходить прежде всего извне, причем если с запада будут идти в основном импульсы с точки зрения модернизации позитивные, то с юга и востока скорее негативные.

«Колея ресурсной модернизации» предопределил объем и структуру требуемых трудовых ресурсов. Они будут пополняться прежде всего за счет дешевой рабочей силы из стран СНГ, а также Китая и Вьетнама. Инженерно-технический персонал добывающих производств, за исключением вспомогательных, будет поставляться вахтовым методом из других регионов, а также из-за границы, как это уже происходит в течение последних 10 лет. Стимулов к массовому переселению экономически активного населения, за исключением требуемых для развития нескольких крупных агломераций, из Европейской части РФ не вижу. Местное население также будет практически исключено из «ресурсной модернизации»: с развитием Интернета молодежь из сибирской глубинки предпочтет эмигрировать, а потенциал коренных малочисленных народов не будет востребован.

Относительная легкость конвертирования природных ресурсов в финансовые, политика Кремля, направленная на усиление роли национальных энергетических монополий и их веса на мировом

энергетическом рынке, а также исключительно благоприятная конъюнктура на мировом рынке нефти и газа, нежелание российской элиты выполнять не ею установленные международные правила (принцип «мы никому ничего не должны и не будем обременять себя какими-либо обязательствами, если они противоречат нашим интересам») заставляют Россию следовать «ресурсной парадигме» развития, тем самым откладывая переход к модели «общества знаний», сбережению природных богатств и более справедливому распределению доходов, тем самым – переходу к реализации принципа экологической справедливости (ecological justice). За этим стоит принципиальный этический вопрос: возможен ли компромисс между великодержавным эгоизмом и ответственностью каждой страны за мир в целом?

Эта отсрочка СЭМ имеет следующие общие причины на западе и на востоке РФ: (1) согласно теории зависимости Р. Пребиша, развивающаяся страна всегда зависима от более сильной вследствие неэквивалентного обмена между ними, что замедляет и/или откладывает на неопределенный срок индустриализацию первой; (2) в этом же направлении действует растущий протекционизм западных держав, что является риском для России, зависящей от поставки технологий и продуктов питания из-за рубежа. Сегодня мы полностью потеряли свою легкую промышленность и соответственно сотни тысяч рабочих мест; (3) аутсоринг (привлечение специалистов из-за рубежа) создает угрозу безработицы даже лучшим национальным кадрам; (4) зависимость РФ от стран-транзитеров, через которые проходят наши газотранспортные сети, всегда будет источником нестабильности и рисков; (5) растущее демографическое давление Китая, приводящее к «мирному», но чрезвычайно настойчивому проникновению сотен тысяч китайцев на приграничные и внутренние территории РФ; (6) скученность населения Китая, хаотичное развитие его экономики, огромные трущобы городов, переполненные «беженцами» из деревни, 90 % водных источников загрязнены или пересыхают от обезлесивания, в Тибете уже начались «экологические волнения» – все это представляет экологическую «бомбу» замедленного действия; (7) Китай ведет интенсивную скупку ресурсов по всему миру; (8) уже идущее загрязнение сибирских рек Китаем и порождаемые им социально-

экологические конфликты; (9) глобальный риск повышения загрязнения биосферы в разы в случае достижения Китаем и Индией жизненных стандартов США; (10) экономическое и политическое давление на РФ стран прикаспийского бассейна.

Вместе с тем на «колейный» тип развития все более давит «дуга нестабильности», которая сегодня уже практически превратилась в «круг нестабильности». Речь идет о нынешней геополитической ситуации России. Страна борется за свою «экологическую нишу» в ситуации растущей мощи и интеграции «триады» (США, Европейский Союз и Китай) и одновременно возрастающей неопределенности (проблематичности) отношений с акторами по всей периферии РФ. Территория РФ, ее стратегическое географическое положение, ресурсы Сибири и Дальнего Востока в условиях сокращения нефтегазового потенциала Персидского залива и «дуги нестабильности» (Жанте 2007) – все это делает Сибирь и Дальний Восток страны «*The Heartland*», то есть *срединной землей*, фокусом борьбы за мировое господство. Как утверждал Х. Макиндер, «кто владеет этой территорией – тот владеет миром» (Mackinder 1919). Результаты августовского саммита ШОС (2007 г.) указывают на продолжающийся перенос центра тяжести российской геополитики на Восток.

Данный макрорегион РФ действительно обременен рядом серьезных проблем: (1) соотношение «население – ресурсы» – критическое, и динамика этого соотношения пока негативная; (2) за последние 3–4 года периферия этого региона, как и в целом РФ, стала еще более «проблемной»; (3) недавняя гонка РФ, США и Европейского Союза за закрепление права пользования шельфами Ледовитого океана означает, что «дуга нестабильности» превратилась в «*круг нестабильности*»; (4) федеральная геополитика труб, решая неотложные стратегические задачи накопления капитала и интеграции РФ в мировое сообщество, не способствует притоку и закреплению в данном макрорегионе интеллектуальных ресурсов, а скорее, исключает местное население из процесса модернизации; (5) в результате отток интеллектуальных ресурсов продолжается, региональные элиты инкапсулируются, а политический абсентизм и культурная деградация коренного населения усиливаются. «Внутри» рассматриваемого региона я также не вижу социальных

сил, способных радикально изменить существующие тренды. Возрождение науки в Сибири (на базе СО РАН и других центров) и поставленная перед нею задача мониторинга природных и социально-экономических процессов региона сами по себе чрезвычайно актуальны, но это пока задача более информационная, нежели стратегическая. Моделей и институциональных механизмов использования подобной информации пока не просматривается.

В частности, последствия китайского давления на РФ ученые суммируют следующим образом: (1) это будет мирное давление, без использования силовых средств; (2) поскольку многие в Китае продолжают считать, что исторически Приамурье – исконная территория Китая, и поскольку это приграничная и климатически благоприятная земля, то давление придется прежде всего на нее; (3) все специалисты сходятся в одном: преимущества китайского характера (чрезвычайная непритязательность, неприхотливость и вместе с тем ловкость, изворотливость, умение обходить всяческие препоны) будут способствовать все более интенсивному проникновению китайцев в приграничные регионы; (4) в силу тех же особенностей культуры китайцы способны очень быстро создавать свои «укорененные» анклавные сообщества, бригады, артели и т. п.), без которых потом уже невозможно обойтись; (5) но прежде всего – Китай, его экономика заинтересованы в ресурсах РФ: углеводородах, воде, территориях, пригодных для сельского хозяйства и строительства городов. Китай очень богат, и он может позволить себе просто купить участки земли и неперспективные с российской точки зрения уголья и месторождения за любую цену; (6) политика данной страны может игнорировать международные экологические соглашения и обязательства: китайское руководство придерживается принципа «дифференцированной ответственности» и проводит политику «выборочного партнерства». Ситуация с загрязнением Амура – типичный пример; (7) но, может быть, еще важнее, что под натиском США и ЕС российская элита начинает дрейфовать к «китайской модели» общества вообще и как инструменту взаимоотношений с Америкой в частности, тем более что, по оценкам международных агентств, образ Китая оценивается преимущественно как позитивный 27 государствами, тогда как России – только 14 (Зевелев, Троицкий 2007; Ли Цзинцзе 2007).

Итак, современный мир все более разделяется на два мало связанных и даже конфликтных типа жизнедеятельности. Один – сетевой, постоянно следующий за переливами потоков финансового капитала и транзитом энергетических ресурсов, второй – локальный, зависящий от местных ресурсов и природного ландшафта (Яницкий 2006). Первый существует во времени, второй – в пространстве. Первый с каждым годом наступает, вытесняет второй на социальные неудобья и природные «пустоши». Первый эксплуатирует природные ресурсы, второй страдает от рисков, исходящих от этой эксплуатации. Первый стремится создать «фонды суверенного богатства» и тем самым обезопасить себя от посягательств на свои национальные ресурсы извне под флагом «экологической справедливости», второй говорит о той же справедливости, но локальной, которая исторически и культурно детерминирована.

В результате сформировались два основных типа экосоциальных систем: «поточная», включенная и все более интегрированная в глобальные финансовые, ресурсные и иные поточные сети, и «местная», точнее, совокупность разрозненных «точек», привязанных к специфическим (земельным, водным и иным) ресурсам. Первая долгое время развивалась беспрепятственно и в ущерб второй, пока лишь в самое последнее время не обнаружилась их взаимосвязь (уже упоминавшийся эффект бумеранга, выражающийся в социально-экономических последствиях от потепления климата и др.). Однако эта связь не прямая, а только косвенная и отложенная во времени, через биосферу, грозящая экономическими и социальными рисками для первой, «поточной» системы лишь в среднесрочной перспективе.

Сложность ситуации в том, что сейчас над этими двумя надстраивается третья – информационная – система, в которой приоритет принадлежит производству знания. То есть это *вызов «одновременности» трех модернизаций* (локальной, индустриальной [новой] и информационной) – надо строить общество знаний, завершать неоконченную индустриализацию и начинать новую, высокотехнологичную, сохранять природу и местные сообщества. Однако это автоматически не означает, что ресурсы развивающегося общества знаний будут направлены на СЭМ российской экономики и политики. Напротив, ситуация в мире свидетельствует,

что новые знания все более служат развитию того же потребительского общества. Российская система «власть-собственность» имеет четкую потребительскую направленность и не обладает институциональной рефлексивностью, необходимой для самоизменения в ответ на внешние экологические и социально-экономические вызовы. Грядущее потепление климата было экспериментально доказано русским ученым М. И. Будыко 30 лет назад, но не имело в течение прошедших лет никакого практического эффекта. Лишь в 2007 г. ряд международных организаций поставили этот вопрос на глобальную повестку дня. Но механизмов СЭМ в мировом масштабе по-прежнему нет.

Все это ведет к дальнейшей интенсификации добычи и использования природных, в том числе невозобновимых, ресурсов. Параллельно и даже с опережением развивается система масс-медиа, которая работает в том же направлении. Тандем «политически ангажированная наука – поп-культура – СМИ» победить чрезвычайно трудно. Виртуальное экологическое сообщество тоже формируется, но опять же как реакция на развитие предыдущего и с запаздыванием. Ключевые интернет-ресурсы находятся в руках мировой, прежде всего американской финансово-экономической олигархии.

5. Акторы, контракторы и ресурсы СЭМ

Сказанное выше не означает безвыходности положения. Посмотрим по пунктам, кто есть такие акторы СЭМ и какими ресурсами они потенциально располагают.

На первое место по названным уже резонам я ставлю государство. Здесь ситуация простая: если государство не повернется лицом к экологии, то все вложения в модернизацию технологий и инфраструктуры, в жилищное строительство и человеческий капитал будут буквально «съедены» деградирующей средой обитания. Все обсуждаемые сейчас специалистами идеи переноса столицы в Сибирь, развития там высокотехнологичных производств, рекреации и т. д. прямо или косвенно связаны с пониманием того, что несущая способность природных экосистем западной части страны многократно превышена. А это означает, что она из поглотителя рисков превращается в их производителя. Вкладывать деньги в человеческий капитал, не создавая для него чистой и безопасной среды,

означает просто подготовку молодых квалифицированных кадров для западных стран. Другая сторона той же медали – зависимость от глобального рынка. Раз мы в него включились, то должны быть на нем конкурентоспособны. А это означает растущую от него зависимость. Более цивилизованный Запад отказывается покупать у нас ворованный или вырубленный на заповедных территориях лес, мы будем получать бесконечные санкции за разливы нефти и т. д. Отсюда определенные успехи во введении добровольной сертификации в лесной и некоторых других отраслях сырьевой промышленности РФ.

Если страна взяла курс на «тройственную» модернизацию, то СЭМ не может быть просто результирующей всех других – она должна иметь свою теоретическую модель и свою политику. Конечно, последняя «вписана» в модернизацию других сфер (энергетики и ресурсосбережение, демографическую политику и т. д.), но у рассматриваемой области знания-действия есть свои цели и задачи. Их по крайней мере две. В области природопользования как таковой это эффективное использование и сбережение невозобновимых ресурсов и сдвиг в сторону возобновимых в целях поддержания устойчивости биосферы. В частности, это развитие национальных и глобальных сетей охраняемых природных территорий, так называемый «эконет».

В области социальной экологии человеческих сообществ это реализация их прав на чистую и безопасную среду, на сохранение культурного и биологического разнообразия местных сообществ. Думаю, что растущая тенденция к потребительству, провоцируемая экспансией внешнего рынка и СМИ, должна быть заторможена, поскольку именно она провоцирует потребительский образ жизни. Напротив, внутреннее производство товаров повседневного спроса и их рынок должны всемерно развиваться, используя местные ресурсы и создавая новые рабочие места. Все страны, вышедшие на путь модернизации, шли через развитие производства товаров массового потребительского спроса на местах.

На второе, отнюдь не последнее, место в качестве СЭМ я ставлю организации гражданского общества. В течение столетия научная и гуманитарная интеллигенция страны была ее экологическим авангардом. Интеллигенция работала в тесном контакте с местной

властью и гражданскими инициативами. Не может государство все экологические проблемы решить самостоятельно. Тем более что часть его бюрократического аппарата заинтересована в сохранении статус-кво, полагая, что при необходимости любых специалистов можно купить за рубежом.

Но сама по себе интеллигенция, столичная и местная, ничего не может сделать, если не будет восстановлено местное самоуправление. Вернемся на 20 лет назад. Наибольшие успехи в защите природы и инициативах снизу были достигнуты в короткий период развития местного самоуправления, к свободному действию которого уже не первый десяток лет призывает А. Солженицын (Солженицын 2008). Однако сегодня местное самоуправление как демократический институт распоряжения местными ресурсами и реализации воли локального сообщества практически разрушен. Поэтому идет трудный процесс формирования *самоуправления нового типа*, базирующегося на сотрудничестве городской академической интеллигенции, которую называют «профессиональными общественниками», «прогрессивного чиновничества» (Агаханянц 2006: 90) и местных гражданских инициатив. Такой союз должен быть легализован.

Мощнейший ресурс – регулярное экологическое образование. К сожалению, регулярные учебные экологические курсы все чаще превращаются в спецкурсы или факультативы, а главное, читаются людьми, плохо подготовленными и далекими от понимания социальной значимости экологических проблем. Проведенная мною серия интервью с преподавателями показала, что вследствие общего дефицита квалифицированных педагогов такие курсы читаются «по материалам Интернета»; сами преподаватели не ведут исследований в данной области и не используют богатейший опыт, накопленный общественными экологическими организациями (см., например: Чепурных 2003). С другой стороны, огромный пакет практических know-how, накопленный неправительственными экологическими организациями, в регулярном образовательном процессе почти не используется. То же можно сказать и о системе экологической пропаганды. Разрушенная после распада СССР, она так и не была восстановлена как социальный институт. Да, Интернет полон экологической информации, но система ее анализа и пропаганды учеными и эоактивистами утрачена.

Публичная сфера год от года сжимается. Нет ни локальных, ни общенациональных экологических дебатов. Но инновация, отбор лучшего с целью конкуренции на рынке интеллектуальных услуг не могут происходить без открытой дискуссии, анализа и сравнения опыта различных регионов страны. Сравним кратко динамику этих дебатов за двадцатилетний период.

В 1987–1991 гг. это были прежде всего дискуссии о необходимости выхода экологического движения на публичную арену, что стало одновременно и процессом формирования этой дискуссионной площадки как таковой. Экологическое движение заявляло себя как агента публичной политики. К тому же, в те годы массовые экологические протесты были формой социального протеста. Так происходило не только потому, что, как иногда полагают, это была наиболее безопасная его форма, но потому, что люди хотели сохранить, закрепить достигнутую ими обжитость, обустроенность среды своего непосредственного обитания. Тогда движение не только нуждалось в публичной площадке, но сама жизнь его выталкивала на нее. Именно в тот период начало дебатироваться само понятие экологической политики, круг ее основных проблем, ее место в политике государственной, ее роль в формировании и реализации общественных движений.

Если можно говорить о главном направлении этих дискуссий, то оно было «снизу вверх», то есть от гражданских инициатив и движений к властным структурам муниципального и федерального уровня. Вышедшие на публичную арену советские «зеленые» хотели быть услышанными «наверху». Дискуссии, если они получались, носили двоякий характер. С политической точки зрения это была борьба советских «зеленых» за место под солнцем на политической арене (в новом парламенте, прессе, телевидении). С сугубо профессиональной – она носила просветительский характер. «Мы знаем лучше», – говорили «зеленые» не только властям, но и обществу. В общем и целом дискуссии носили проблемный характер: экологическая тематика стремительно перемещалась с периферии в центр общественного дискурса. Люди интересовались перспективами разрешения экологических проблем.

Сегодня мы видим совершенно другую картину. В результате отмеченных геополитических сдвигов, деинституционализации экологической политики РФ, сокращения помощи российским «зе-

ленным» из-за рубежа, с одной стороны, и началом реализации (большим бизнесом и государством) грандиозных транснациональных технических проектов – с другой, дебаты перемещаются в сферу технологий социальной и экологической оценки этих проектов. То есть самыми интенсивными становятся дебаты на местном уровне. Они осуществляются в ходе экологической экспертизы и публичных слушаний на местах. Если 20 лет назад дискуссия велась «зелеными» о стратегии защиты природы страны от рисков и опасностей со стороны военно-промышленного комплекса, то сегодня в судьбоносной для России дискуссии о том, как ей трансформироваться из сырьевой державы в информационную, как сдерживать давление «триады» (США, Европейский Союз и Китай), российские «зеленые» почти не участвуют, кроме как в рамках собственных природоохранных съездов и конференций. Хотя именно в 1990-е гг. российские «зеленые» одними из первых овладели передовыми информационными технологиями. Современные СМИ приучили население воспринимать экологическую проблематику как *информацию* о бесконечной череде природных и техногенных катастроф или местных конфликтов.

Внутри «зеленого» сообщества идет «внутрикорпоративная» дискуссия о выборе наиболее эффективных социальных технологий для воздействия на конкретных создателей технологических систем, обслуживающих политику и экономику. По существу, идет дискуссия геополитического характера, но она вращается вокруг множества отдельных социально-экологических конфликтов (прокладка трубопроводов в конкретных природных условиях, сохранение локальных экосоциальных сообществ, судьба малых народов Севера и Сибири и т. п.). Однако постепенно происходит очень важный поворот: от принципа «мы, профессионалы, знаем лучше» к принципу «профессионалы и население должны действовать единым фронтом». Это весьма похоже на движение за экологическую справедливость на Западе. Еще два важных момента. За прошедшие годы власть выстроила параллельную дискуссионную площадку в виде федеральной и региональных Общественных палат, которые обладают правом распределения государственных ресурсов. И «зеленым» приходится соблюдать политес. Вместе с тем большой бизнес под давлением западного потребителя вынужден

прислушиваться ко мнению «зеленых», вступая с ними в дискуссию по поводу адаптации этих требований к российским реалиям.

Что касается дискуссий по поводу проблем среды непосредственного обитания, то они приобрели гораздо более острый характер. Нарушение местными властями и бизнесом базовых гражданских прав (на жилище, медицинские услуги, образование, здоровую и безопасную среду обитания) вызвало к жизни по всей стране местные движения (обманутых дольщиков, вкладчиков, фермеров). Это движения нарождавшегося среднего класса, какие бы ценности он ни разделял, вложившего свои трудовые деньги в дело или в улучшение условий своего существования. Поскольку власти не идут на конструктивный диалог со средним классом, он обращается за помощью в Страсбургский суд и другие международные организации. Что же касается официального публичного пространства (медиа), то в нем нет дискуссий по экологическим проблемам как таковых. Есть или мнение официальной «говорящей головы», или информация об очередной экологической катастрофе.

Наконец, об экологическом движении как акторе и ресурсе экологических перемен. Оно существует и укрепляется, консолидируясь с другими социальными силами регионов, но их совокупная сила и наличные ресурсы для сдвига в сторону СЭМ явно недостаточны. Движение, по характеристике одного из его лидеров, «ведет пока только арьергардные бои». Одновременное прекращение его финансирования из-за рубежа и перевод на ресурсное обеспечение из государственных источников плюс укрепление вузовской и академической науки делают это движение еще более зависимым от существующей политической системы. Тем не менее, сотрудничающие с академической и вузовской науками экологические НПО и их сети – один из немногих реальных движителей СЭМ в нашей стране.

Хотя по ходу анализа я называл силы противодействия СЭМ, кратко перечислю их «поименно». Во-первых, это риски самой среды обитания, природные и созданные человеком. Картинка мегаполиса, по крыши заваленного мусором, не раз возникала на страницах газет и журналов. Но мусор – это лишь видимая вершина айсберга. Многократное превышение несущей способности экосистем и превращение их в долговременные и трудно устранимые источники рисков – вот главная проблема, что, в свою очередь, ведет к

потере здоровья, росту расходов на медицину, сокращению продолжительности жизни, с одной стороны, росту расходов на социальное обеспечение и на ликвидацию последствий прошлых аварий и катастроф – с другой. Поэтому с 2006 г. Правительство РФ совместно с консультантами Всемирного Банка работали над концепцией ликвидации прошлого экологического ущерба (ПЭУ) в РФ (Информационная служба... 2008).

Во-вторых, это сопротивление части федерального и местного чиновничества, незаконно владеющего или распоряжающегося ресурсами местного и национального значения. В последнее время наблюдается ослабление экологического контроля на местах вследствие замены федеральных контролеров на местных, «своих». Это также все те, кто способствовал созданию «дырок» в природоохранном законодательстве или же создал «зазоры» между старыми законами и новыми кодексами (Градостроительным и иными), позволяющими бесконтрольно эксплуатировать природные ресурсы, заповедные территории и т. д.

В-третьих, это несоответствие существующих институциональных структур новым вызовам. Развитие института ликвидации чрезвычайных ситуаций необходимо, но недостаточно. Необходимо вернуть в полном объеме институт экологической политики так, как это сделано в США и странах Европейского Союза. Задача его – не реагировать на экологические риски, а прогнозировать их и развитие глобальной экологической ситуации в целом. Но главное институциональное препятствие – это пропаганда СМИ потребительского образа жизни, легкого успеха «здесь и сейчас», «права сильного», что в корне противоречит экологической этике разумных потребностей, упорного труда и заботы о будущих поколениях.

В-четвертых, это физическая и моральная усталость населения российской глубинки, особенно сельской, – феномен, именуемый в социальной психологии «выученной беспомощностью», помноженный на чрезвычайную разреженность населения. Эту неспособность к постановке задач, требующих собственной активности, невозможно преодолеть без помощи извне (Петренко 2006: 69). Другая сторона той же проблемы – заполнение психологического и морального вакуума мигрантами, несущими иную культуру и образ жизни.

Наконец, пятая, уже упоминавшаяся сила – это растущее внешнее давление: институциональное, информационное, психологическое, выражающееся как в силовом нажиме (пересмотр или ужесточение международного природоохранного законодательства, ресурсные войны), так и культивируемом при помощи информационных технологий имидже России как «нереформируемой», «невменяемой» и «непредсказуемой».

Выводы

СЭМ России представляет собой очень трудный качественный переход. Ее базовые цели – устойчивость социума и биосферы, безопасность, идентичность, сохранение целостности России и мобилизации ее способности к развитию. Эти цели взаимосвязаны. Например, целостность обеспечивается общностью базовых ценностей и респонсивностью социальных институтов, способность к развитию – справедливым перераспределением богатства и преодолением отчуждения между властвующей элитой и гражданским обществом, а не только ростом доходов и «непрерывным обучением» и т. д.

Основные ориентиры СЭМ: (1) не продажа природных ресурсов и тем более не добровольная отдача ресурсов интеллектуальных, а расширенное воспроизводство последних, прежде всего институтов образования, науки и инженерии, для того, чтобы осуществить переход от модернизации, основанной на «ресурсной модели», к развитию, основанному на сохранении культурной традиции и «информационной модели»; (2) от модели роста только «сверху вниз» к сбалансированному развитию, включающему позитивную динамику «изнутри вовне» и «снизу вверх»; (3) это в совокупности означает, что необходимы сочетание «геополитики труб» и усилий по консолидации основных социальных сил в городах и регионах, преодоление отчуждения и взаимной неприязни богатых и бедных, реальная самоорганизация на местах и сохранение культур малых народов; (4) поскольку упомянутая выше «триада» ведущих сообществ тоже развивается, нам нужна *стратегия ускоренного прохождения* необходимых этапов формирования «информационной модели», как-то: обучение, копирование западных образцов и самостоятельное производство новейших технологий. Значит ли это, что речь опять идет о модели «догоняющего развития»? Вопрос пока остается открытым.

Переход к СЭМ страны очень труден по многим причинам: (1) Россия – северная цивилизация, отсюда ресурсы дороги и будут дорожать по определению, инфраструктура тоже, и вообще, процесс обживания территорий потребует больших вложений; (2) «кольцо нестабильности» вокруг России будет постоянно отвлекать ресурсы для обеспечения ее безопасности, для политики сдерживания, то есть доступ к ресурсам и их воспроизводство будут все более дорогостоящим делом; (3) постоянно будет возникать противоречие между задачами роста и развития, скажем, насыщением потребительского рынка и обеспечением безопасности страны, между «открытостью», то есть необходимостью включения в глобальные экономические системы, и «закрытостью», необходимой для сохранения целостности и безопасности страны и идентичности ее граждан; (4) это, в свою очередь, как показал опыт стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, означает, что элементы авторитаризма как условия обеспечения этого перехода в той или иной степени неизбежны; (5) это также задача преодоления внутреннего сопротивления компрадорской буржуазии и связанного с нею сервис-класса, которых устраивает status quo, (6) наконец, это задача коллективного лидера СЭМ, способного политически сформулировать цели такого перехода и возглавить их реализацию.

Литература

Агаханиянц, П. Ф. 2006. Принятие экологически значимых решений и российская общественность – позиции участников процесса. *Экологическое планирование и управление* 1: 81–90.

Бобылев, С. Н. 2006. Костромская область как экологический донор федерального уровня. В: Покровский 2006: 73–90.

Жанте, Р. 2007. От Закавказья до Средней Азии: «большая игра вокруг углеводородов». *Le monde diplomatique*, июнь: 4–5.

Зевелев, И., Троицкий, М. 2007. Россия и Китай в зеркале американской политики. *Россия в глобальной политике*. Т. 5(5): 34–49.

Ли Цзинцзе. 2007. Не допускать левого и правого уклона. *Россия в глобальной политике* 5(5): 50–56.

Нефедова, Т. Г. 2006. Путешествие по Костромской земле. В: Покровский 2006: 53–66. М.: СоПРСо.

Петренко, В. Ф. 2006. Послесловие к научным очеркам Т. Г. Нефедовой. В: Покровский 2006: 67–71.

Пивоваров, Ю. С., Фурсов, А. И. 1998. Русская система: генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы). *Русский исторический журнал* 1(3): 7.

Покровский, Н. Е. (ред.) 2006. *Российский северный вектор*. М.: СоПрСо.

Соболев, Н. А. (ред.) 2003. *Критерии и методы формирования экологической сети*. М.: Изд-во ЦОДП.

Солженицын, А. И. 2008. Какой быть России? Александр Солженицын о путях развития страны и общества. *Аргументы и факты*. 29 января (с. 9).

Струве, П. Б. 1911. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм*. СПб.

Чепурных, Е. Е. (ред.) 2003. *Общественные ресурсы образования: Справочник*. М.: МоСоЭс.

Яницкий, О. Н.

2004. Диалог науки и общества. *Общественные науки и современность* 6: 86–96.

2006. Поток и место: к проблеме локального социально-экологического знания. *Неприкосновенный запас* 2 (46): 30–44.

Яницкий, О. Н., Кульпин, Э. С. 2007. Сибирь и Дальний Восток как фокус борьбы за мировое господство. *Российская Федерация сегодня* 22: 52–54.

Boyden, S., Millar, S., Newcombe, K., O'Neill, B. 1981. *The Ecology of a City and its People. The Case of Hong Kong*. Canberra: Australian National University Press.

Giddens, A. 2006. A Social Model for Europe? In Giddens, A., Diamond, P., Lidde, R. (eds.), *Global Europe. Social Europe*. Cambridge: Polity.

Mackinder, H. 1919. *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. London: Constable.

Stern, N. 2007. *The Economics of Climate Change: The Stern Review*. Cambridge: Cambridge University Press.

Stiglitz, J. 2006. *Making Globalization Work: The Next Steps to Global Justice*. London: Penguin.

Материалы Интернета:

Информационная служба Ростехнадзора (сообщение от 21.02.2008). Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.gosnadzor.ru/news/2008/pr2102.html>